

♥ ЛЮБОВНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ♥ ИСТОРИИ ♥

Татьяна **УСТИНОВА**

Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**

♥ Галина **РОМАНОВА** ♥

♥ и другие :-) ♥

Великолепные детективные истории

Елена Арсеньева

Любовные детективные истории

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Любовные детективные истории / Е. А. Арсеньева — «Эксмо»,
2020 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-108510-0

Кажется, что зимой жизнь замирает, но именно в это время года мы отмечаем милый праздник – День святого Валентина! А значит, любовные страсти продолжают кипеть, и порой это приводит к непредсказуемым последствиям... Об этом и многом другом читайте в остросюжетных рассказах наших любимых писателей – Татьяны Устиновой, Галины Романовой, Анны и Сергея Литвиновых и других популярных авторов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108510-0

© Арсеньева Е. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Марина Крамер	6
Галина Романова	18
Глава 1	18
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сборник

Любовные детективные истории

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Марина Крамер

Квест

Какие чувства переполняют женщину, когда она держит в руках белый листок, на котором всего две фразы? Две короткие фразы, разрезающие жизнь на «прошлое» и «ничего», как на «до» и «после»? И ничего не понятно, и нет объяснений произошедшему...

Когда я видела подобное в кино, мне казалось, что уж я-то бы непременно начала действовать, была смелой, решительной и находчивой, не отступила бы перед трудностями и непременно выручила бы любимого человека из любой беды.

Оказывается, думать и делать – вещи разные...

Я никогда не хотела замуж. Вот честное слово – даже в мыслях не было. И дело вовсе не в том, что я никому не нужна или, как говорит моя подруга, «не предлагали – вот и не хотела». Предлагали, и не раз, и такие мужчины, что...

Но это не важно. Просто я так устроена – не хочу зависеть сама и ввергать кого-то в зависимость тоже не хочу. Зачем? Нам и так хорошо. Мне и Олегу. Мы вместе уже пять лет, хоть и живем на два дома – опять-таки, это мои «тараканы». Мне непременно нужно место, где никто не сможет нарушить ход моих мыслей, не станет отвлекать разговорами и просьбами в тот момент, когда мне этого совершенно не хочется.

Мы познакомились пять лет назад. Был день рождения моей подруги Кати, я по сложившейся с самого детства традиции пришла туда со сливовым пирогом – научилась печь его лет в десять, с тех пор здорово усовершенствовала и рецепт, и технологию, и декор.

Принимая пирог из моих рук, именинница со вздохом посетовала:

– Везет тебе, Лизка. Можно есть и не думать о фигуре, а я от одного запаха поправляюсь.

– Ничего, тут мало калорий, я специально старалась более диетический вариант выбрать.

В компании я знала всех, кроме высокого широкоплечего шатена в сером свитере и джинсах.

– Знакомься, Лиза, это Олег, – сказал, перехватив мой взгляд, муж Кати Саша. – Мы вместе работаем.

Ему понравился мой сливовый пирог, а мне – он.

Серьезный, увлеченный историей войны, много лет в свой отпуск отправлявшийся в поисковые экспедиции.

Олег весь вечер рассказывал мне о том, как вместе с друзьями из разных городов пытаются найти и похоронить тех бойцов, чьи останки все еще лежат в земле на местах боев. Потом он попросил разрешения проводить меня, и мы прогуляли по городу до утра, оказавшись к рассвету на высокой горе, где была установлена часовня, с которой и начался наш город еще в Средние века. Теперь он лежал у наших ног, сонный, еще не растревоженный автомобильными гудками, не задыхающийся от выхлопных газов, не умирающий от скуки в бесконечных пробках.

– Красиво, правда? – накинув мне на плечи свою джинсовую куртку, спросил Олег.

– Да...

– Я люблю сюда приезжать, особенно если на душе тяжело, – вдруг признался он, бросив быстрый взгляд на часовню. – Постою тут, поброжу, подумаю – и как-то сами собой нужные мысли появляются. А у тебя есть любимое место в городе?

Я задумалась.

Не могу сказать, что такое место у меня было, разве что маленький пруд в черте города, куда я в детстве часто ходила с бабушкой.

Мы брали с собой хлеб и кормили живших там в большом количестве уток. Такой ритуал совершался примерно раз в месяц, даже зимой – пруд не замерзал, а утки не улетали. Когда дедушка умер, я продолжала ходить туда одна, правда, уже не так часто.

Олег слушал меня, чуть склонив голову к плечу, и в глазах его мелькнуло что-то особенное, похожее на нежность. Это не очень вязалось с его довольно брутальной внешностью, огромными плечами и руками, привыкшими, как видно, держать не только авторучку, но и лопату.

В банке, где они работали с Сашей, Олег занимал довольно высокую должность, возглавлял отдел, что, конечно, требовало определенной жесткости характера, да и участие в поисковых операциях тоже наверняка накладывало свой отпечаток. И вот эта неожиданная нежность в глазах от моего довольно обыденного рассказа о пруде и утках поразила меня.

Я вдруг поняла, что не хочу с ним расставаться.

И мы больше не расставались вплоть до последней недели, когда он вдруг перестал отвечать на мои звонки, сказав перед этим, что уезжает в командировку. Нет, я понимаю, что в командировке человек работает, но ведь есть еще и вечера...

А сегодня я вынула из почтового ящика белый конверт без надписи и открыла его.

На свернутом вчетверо листе бумаги было набрано: *«Если хочешь узнать, где он, отправляйся в Питер. Только не опоздай».*

Почему – в Питер, когда в командировку Олег улетел в Нижний Новгород? С какой стати?

Я, конечно, сразу набрала номер телефона Олега, но он не отвечал, был выключен.

Позвонила Саше, и тот удивленно проговорил:

– А я его неделю не видел. Он что, вернулся уже? Сейчас схожу в кабинет, гляну.

Через десять минут, которые я провела у подъезда в волнении и какой-то нараставшей изнутри тревоге, Саша перезвонил и растерянным голосом произнес:

– Слушай, Лизка, а его вообще давно никто не видел.

– Но он же должен какие-то отгулы тогда попросить, если командировка закончилась! Невозможно исчезнуть и не предупредить никого!

– Ну, это я не знаю... вряд ли начальник передо мной отчитываться станет. А у вас точно все нормально?

У нас все было как обычно – за пять лет выработался своеобразный распорядок, одну неделю мы проводили в моей квартире, другую – у Олега, а один выходной обязательно врозь, так мне было удобнее. Неделю назад мы ходили в кино, потом гуляли, готовили ужин – словом, вообще ничего не предвещало.

– Саша, может, мне в полицию, а? – не совсем уверенно спросила я.

– Дохлый номер. Что ты им скажешь? Что мужик из командировки не вернулся? Он тебе даже не муж, прости за прямоту.

Да, точно... Но что делать? Лететь, в самом деле, в Питер? Я была там только один раз, нет никаких знакомых, вообще никого...

Я передумала ехать в магазин за новым платьем – мы собирались отметить День святого Валентина в небольшом уютном кафе в центре города, и я хотела немного обновить гардероб. Но теперь-то явно не до этого... И вместо платья, пожалуй, придется купить билет и полететь в Питер.

Питер в феврале – ну, кто бы мог подумать...

Почему-то мне и в голову не пришло, что все это может оказаться розыгрышем, шуткой. Олег явно во что-то влип, и, возможно, ему нужна моя помощь – кто-то же написал это злощастное письмо. И этот кто-то знает, где Олег и что с ним.

Не так давно он рассказал мне, что во время последней экспедиции куда-то под Вязьму он нашел довольно любопытные и редкие вещи, в том числе и небольшую табакерку с чудом сохранившейся на внутренней стороне крышки фотографией женщины.

Олег задался целью найти если не эту женщину, то кого-то из ее родственников, чтобы передать им вещь, принадлежавшую ее близкому человеку, погибшему на фронте.

Табакерка, кстати, тоже оказалась ценной, и антиквар, к которому Олег обратился за консультацией, предложил ему ощутимую сумму и долго уговаривал продать ее.

Олег отказался, конечно.

Не знаю, почему эта история всплыла в моей памяти именно сейчас, но я почувствовала, что тревога усилилась.

Я решила, что нужно поехать в квартиру Олега и попробовать поискать там хоть какие-то зацепки.

Может, он нашел женщину с фотографии или кого-то, кто мог ее знать? Может, дело в табакерке?

Я должна понять, не связаны ли между собой исчезновение Олега и его находки.

В квартире царил полный порядок, никаких следов поспешных сборов, никаких раскиданных вещей – все точно так, как было в этой квартире неделю назад, месяц...

Педантичный Олег никогда не позволял себе бардака ни в чем.

Я прошла к компьютеру и включила его. С чего начать? Я ведь понятия не имею, что хочу найти. Может, просмотреть в истории браузера последние посещенные Олегом сайты?

С этим я провозилась около часа, но ничего подходящего не нашла – история оружия, военные порталы, форумы поисковиков, на которых я даже просмотрела последние сообщения, оставленные Олегом. Нет, ничего.

От напряжения заболели глаза, я встала из-за стола и прошлась по комнате.

Ряды книг на тянувшихся вдоль стены стеллажах, наша совместная фотография – счастливые и улыбающиеся, мы смотрели прямо в объектив, и Олег крепко сжимал меня в объятиях. Когда я увижу его снова? И увижу ли?

В голову полезли самые разные мысли, из которых ни одной оптимистичной, и я вдруг расплакалась, усевшись прямо на ковер.

Именно в этот момент позвонила моя сестра Света. У нее всегда было потрясающее чутье на тот момент, когда звонить не стоит...

– Ты где, Лизка? Я заехала к тебе за платьем.

О, господи, платье...

Я совершенно забыла, что сегодня сестра должна была забрать готовое платье, которое я сшила ей к празднику.

– Я не дома.

– Представляешь, я уже догадалась по запертой двери, – фыркнула сестра. – Ну, а мне-то что делать? Стою тут как дура, а на улице, между прочим, холодно!

– Света, я сейчас не могу... давай я сама вечером привезу, а? – жалким голосом попросила я, понимая, что не смогу выйти из квартиры Олега, пока не найду хоть какую-то зацепку, хоть что-то, позволяющее мне понять, куда он делся и почему.

– Ну Лиинииизааа... – капризно протянула Светка. – Я уже настроилась, что сегодня все примерю, прическу придумаю, макияж... я чувствую, что Славка мне сюрприз готовит, и, кажется, даже догадываюсь, какой именно. Ну, надо ведь встретить предложение руки и сердца во всеоружии, правда?

В отличие от меня, Светлана хотела замуж класса с девятого, и мама всегда всерьез опасалась, что младшая дочь существенно опередит старшую в этом вопросе и даже школу не закончит, но, к счастью, обошлось.

– Светка, в кого ты такая эгоистка? Я сказала – не могу сейчас, значит, не могу!

– А чем это ты занята, интересно? Ты ведь в отпуске!

Отпуск был вынужденным – в ателье, где я работала, произошел пожар, и владелица отправила нас отдохнуть на время ремонта.

Я не очень расстроилась – профессия позволяла брать заказы и работать на дому, и даже появилась мысль вообще не возвращаться в ателье после того, как оно откроется.

– У меня что, никаких дел быть не может?

– Может, – благосклонно согласилась сестра. – А голос почему такой упавший?

И вот тут я сломалась. Мне просто необходимо было поговорить с кем-то, высказать свои сомнения, поделиться страхами, в конце концов. Единственной моей ошибкой было то, что для подобного откровения я выбрала младшую сестру.

Выслушав внимательно все, что я сбивчиво и со всхлипами рассказала, Светка выдала:

– Ну, что могу сказать? Допрыгалась ты, Лизок.

– Это как? – не сразу поняла я.

– Да сбежал он от тебя, вот как, – снисходительно пояснила сестра. – Сколько можно мозги мужику крутить? Пять лет! Да тут кто угодно сбежит. Вот и Олег сбежал.

Я молча сбросила звонок и отключила телефон. Доказывать что-то Светке не было ни сил, ни желания, а ее мнение, такое обидное и злое, пусть останется при ней. Но самое неприятное заключалось в том, что я вдруг подумала – а ведь возможно, что сестра права. Олег делал мне предложение трижды, и трижды я отказывала ему, говоря, что мы и так хорошо живем, так к чему все это менять? А что, если он хотел этих перемен? Что, если ему было важно, чтобы я стала его женой официально? А я этого не поняла и не услышала.

Взгляд мой упал на полку, где Олег хранил свои находки, которые не удавалось пристроить в музей – какие-то личные вещи, несколько патронов, совершенно проржавевший пистолет, каску, пробитую осколком. Там же стояла и табакерка, дожидаясь своего часа. И вот ее-то как раз на полке сейчас и не оказалось.

Я даже встала и подошла к полке, провела пальцем по тому месту, где неделю назад – я могла поклясться в этом – стояла табакерка. Нет, ее не было. И это могло означать что угодно. Олег мог найти кого-то, кто имел отношение к женщине на фотографии. Мог повезти табакерку на повторную экспертизу. Ее могли украсть.

Эта версия не очень годилась – в квартире полный порядок, никаких следов, но мало ли...

Олег мог открыть двери сам, мог просто сразу не заметить пропажи, а теперь кинулся искать – да мало ли...

С каждой секундой во мне крепла уверенность, что исчезновение Олега напрямую связано с пропажей этой злосчастной табакерки. Только почему он мне ничего не сказал? Неужели я на самом деле так мало значу для него, что он даже не потрудился предупредить, чтобы не волновалась? Или я сама в этом виновата? Наверное, невозможно пять лет держать человека в подвешенном состоянии без последствий. Но если он хотел расстаться со мной, то почему не сказал об этом прямо?

Олегу никогда не были свойственны всякие мужские уловки, хитрости и выдумки, он мог поговорить со мной обо всем открыто, мы всегда так делали, обсуждая любую волновавшую каждого из нас мелочь. И я не думаю, что такой шаг, как расставание, стал бы исключением. Олег из тех, кто говорит правду, глядя в глаза, а не присылая сообщение или письмо.

Внезапно мне пришло в голову позвонить тому антиквару, которому Олег носил табакерку. Не знаю, зачем, но почему-то вдруг я подумала, что он сможет прояснить ситуацию.

Его номер точно должен был остаться в записной книжке, которую Олег держал возле компьютера – он всегда записывал нужные номера туда, чтобы не потерять.

Я принялась лихорадочно листать странички, исписанные острым почерком Олега, и в носу защипало – эта книжка, казалось, все еще хранила тепло его рук.

Постаравшись успокоиться, я сосредоточилась на поиске. У антиквара и имя было вполне антикварное – Аристарх Кондратьевич, и все ошибки исключались, так что я была уверена, что звоню именно ему.

Когда в трубке раздался скрипучий голос, я сразу перешла к делу:

– Добрый день, Аристарх Кондратьевич. Меня зовут Лиза, я подруга Олега Резникова, помните такого?

– Конечно. Чего вы хотите? Олег решил продать мне табакерку? Пусть позвонит сам.

– Нет, дело не в этом... вернее, дело в табакерке, но... – Я немного растерялась, поняв, что старик, скорее всего, ничем мне не поможет. – Вы давно разговаривали с Олегом?

– Вчера разговаривал. Ваш друг удивительно упрям, – сварливо отозвался антиквар. – Никто не предложит ему цену выше, чем я.

– А о чем вы вчера разговаривали?

– Об этом и разговаривали. Я звонил поинтересоваться, не передумал ли он.

– И все?

– Да, все. Милая девушка, уговорите вашего друга проявить благоразумие. Он не коллекционер, он не разбирается в подобных вещах, а я уже сорок лет собираю коллекцию табакерок, изготовленных до революции.

– Хорошо, я попробую, – вздохнула я. – Простите за беспокойство.

Значит, вчера Олег выходил на связь, это уже хорошо. Только почему он мне не перезвонил, ведь там должна быть целая куча сообщений о непринятых вызовах?

Отложив в сторону мобильный, я перелистала книжку до конца и вдруг обнаружила запись, сделанную пару недель назад – у Олега была привычка ставить дату.

На последней исписанной странице обнаружился номер телефона и имя – Софья Николаевна.

Я посмотрела на код города – он был не местным и не московским. Пришлось воспользоваться Интернетом и выяснить, что это... Санкт-Петербург.

Номер я набрала, но мне не ответили. Усмотрев в этом знаки, я поняла, что сопротивляться бесполезно, нужно купить билет и лететь.

Спустившись по трапу в Пулково, я поняла, что не прогадала с одеждой и обувью. Снега практически не было, под ногами чавкала жижа, и мои ботинки на толстой подошве это испытание должны были выдержать.

Накинув на голову капюшон пуховика, я поглубже засунула в карманы руки и направилась к стоянке такси. Багажа с собой у меня не было, все, что нужно, уместилось в небольшом рюкзаке. Куда ехать, с чего начинать...

Номер в гостинице я забронировала, сейчас сразу туда отправлюсь, немного отдохну, позавтракаю и позвоню неведомой Софье Николаевне.

В гостинице меня ждал сюрприз в виде белого конверта, который мне вручила девушка-администратор вместе с ключом от номера.

– Что это? – спросила я.

– Это просили передать вам.

– Мне? Кто?

– Какая-то девушка.

Это было совершенно невозможно, потому что никаких знакомых девушек в этом городе у меня не имелось.

В номере, бросив на пол рюкзак, я первым делом распечатала конверт. В нем оказалась записка: «*Ротонда на Гороховой улице. Там получишь информацию*». Больше ничего.

Я упала поперек кровати, уставилась в потолок и задумалась.

Ну, допустим, я найду и Гороховую улицу, и неведомую ротонду. Дальше что? Там меня будет ждать добрый волшебник, который разъяснит, куда исчез Олег?

Все это напоминало какой-то странный квест, который я непременно должна пройти, чтобы в конце... А что, собственно, должно быть в конце? Или отдаться на милость судьбе и посмотреть, чем все закончится?

Я вдруг почувствовала азарт и вскочила, потянувшись за телефоном, чтобы найти Гороховую улицу и понять, где именно расположена эта самая ротонда.

Нашла я дом не так быстро, как рассчитывала, сперва поблуждала по набережной Фонтанки, а потом и по самой Гороховой.

Мне казалось, что это должно быть что-то величественное, необыкновенное. На самом деле это оказался довольно обычный дом на углу набережной и Гороховой. За вход пришлось заплатить, но когда я попала внутрь, то не то что о деньгах – об окружающей действительности забыла думать.

На меня в буквальном смысле обрушилась такая чарующая красота, что я, затаив дыхание и задрвав вверх голову, застыла на месте.

Шесть колонн уходили вверх, а стены, повторявшие изгибы лестниц, словно стремились куда-то в небо. Это произвело на меня такое впечатление, что я еще долго стояла пораженная, разглядывая все вокруг. Хотя день был и будний, народа здесь оказалось достаточно.

Внезапно кто-то дотронулся до моего плеча сзади, и от неожиданности я подскочила на месте и вскрикнула, а когда обернулась, то никого не обнаружила. На меня оглядывались, я сконфузилась и поторопилась выйти, хотя, если честно, покидать это место абсолютно не хотела.

Сунув в карманы руки, я обнаружила какую-то бумажку.

Развернув ее, прочитала: «*Малая Морская улица. Дом Пиковой дамы. Сегодня в 17.00*». Бросив взгляд на часы, я поняла, что нужно торопиться. В незнакомом городе даже с картой легко заплутать, как я уже убедилась.

Выйдя на набережную Фонтанки, я снова попробовала набрать номер неведомой Софьи Николаевны, но он по-прежнему не отвечал. Тогда я позвонила Саше, и тот сказал, что Олег не выходит на связь, телефон его выключен, а на работе он действительно взял отгулы.

– Мне кажется, он здесь, в Питере, – сказала я, опершись на перила и глядя в темную воду Фонтанки. – И он ведет со мной какую-то игру.

– Да не похоже это на Олега. Ты ведь знаешь, он всегда все прямо говорит, не юлит и не придумывает.

– Тогда что происходит? Я блуждаю по местным достопримечательностям, получаю какие-то записки...

– Почему ты думаешь, что это Олег?

– А кто? Я пытаюсь дозвониться по номеру, что нашла в его записной книжке, но там никто не отвечает. Я уверена, что это связано с табакеркой, которая пропала.

– погоди... он, кажется, что-то говорил про эту табакерку, – вдруг сказал Саша. – Вроде как нашла дочь женщины, что на фотографии изображена. И живет она как раз в Санкт-Петербурге.

– Я это знаю, Саша, – разочарованно вздохнула я. – Я сразу код города посмотрела. Но что толку, если телефон не отвечает? Может быть, попробовать адрес поискать?

– Не знаю... попробуй, конечно, но что это даст? Ты явишься к незнакомой женщине, явно уже немолодой, и станешь спрашивать про Олега? А если он на самом деле вовсе не в Питер поехал?

– Но попробовать-то надо! – возразила я. – Ведь я все равно уже здесь.

Поговорив с Сашей, я настроилась во что бы то ни стало разыскать неуловимую Софью Николаевну через адресный стол. Но мне предстояла еще поездка в неведомый Дом Пиковой дамы, что тоже требовало времени.

Решив, что в адресный стол можно звонить и по дороге, я посмотрела маршрут и двинулась на Малую Морскую улицу. Прихватив в первом попавшемся кафе большой стакан горячего кофе, я нашла номер адресного стола и позвонила.

Полученная информация немного огорчила – точный ответ я получу в лучшем случае завтра, а то и позже. Но и это было уже кое-что.

Дом Пиковой дамы я нашла тоже не сразу. Определенно, путешествия с картой не относятся к числу моих сильных сторон...

Помогла пожилая женщина в сером пальто и мягком берете. Она сама обратила на меня внимание – видимо, лицо было очень уж растерянным:

– Вам чем-нибудь помочь?

Я радостно закивала:

– Да, да, пожалуйста! Я ищу Дом Пиковой дамы.

Женщина улыбнулась и предложила:

– Я вас провожу, мне нужно в ту же сторону.

– Ой, спасибо огромное!

Мы пошли по тротуару рядом, и женщина вдруг начала рассказывать мне историю, связанную с этим домом и его владелицей княгиней Голицыной.

Я и не знала, что именно этот дом и сама Голицына вдохновили Пушкина на создание «Пиковой дамы». Он услышал историю о трех картах от правнука княгини. Она на самом деле владела этим секретом, получив его от известного мистика графа Сен-Жермена. Правда, как говорят, потом до самой смерти ее преследовал образ черного незнакомца, постоянно прохаживающийся под окнами ее особняка.

Я слушала все это, в буквальном смысле открыв рот – настолько захватывающей оказалась история.

– Ну, вот мы и пришли, – сказала женщина, разворачивая меня лицом к особняку.

– Спасибо вам за интересную историю, – искренне поблагодарила я, бросив взгляд на часы.

Женщина тоже посмотрела на свои часики и пробормотала:

– Пять часов.

Она не торопилась уходить и явно кого-то высматривала, а потом вдруг повернулась ко мне и спросила:

– Извините меня, но вас случайно не Елизаветой зовут?

– Да, – почувствовав, как заколотилось сердце, ответила я. – А кто вам сказал?

– Никто, – улыбнулась она. – Меня только просили передать это. – Она вынула из сумочки конверт и протянула мне, собираясь уходить.

– Постойте! – взмолилась я, ухватив ее за рукав пальто. – Пожалуйста, скажите, что с ним все в порядке!

– С кем? – удивленно спросила она.

– С тем, кто передал вам конверт.

– Ну, она была вполне здорова и жизнерадостна, – сказала женщина, глядя на меня с удивлением.

– Она? – упавшим голосом переспросила я. – Она?

– Послушайте, милая девушка, не морочьте мне голову. Я передала то, что меня попросили, больше ничего не знаю. Всего хорошего. – И, ловко высвободив из моих пальцев рукав, женщина практически растворилась в опустившихся на город сумерках.

Я даже глазам своим не поверила – вроде как вот она стояла, и все – нет никого... Похоже, мистика этого странного дома до сих пор была сильна.

Я крутила в руках конверт и никак не решалась открыть его. Там наверняка очередная записка-загадка, но мне уже надоело метаться по городу в поисках указанных в письмах мест и совершенно не приближаясь при этом к разгадке.

Может, ну его, этот конверт? Вернусь в гостиницу, посплю, завтра получу адрес Софьи Николаевны и поеду к ней. Точно! Хватит с меня загадок, мистических мест и прочих тайн Петербурга.

Я сунула конверт в карман и решительно зашагала к метро, но, подойдя ко входу на «Адмиралтейскую», вдруг передумала и все-таки распечатала.

«Последний пункт – улица Гражданская, дом исполнения желаний, ровно в полдень».

Одна строка. И ни номера дома, никаких опознавательных знаков – ничего. Бери, в общем, Лиза, карту в руки и отправляйся искать неведомо чего.

Я на всякий случай еще раз набрала номер Олега, как делала за эти два дня практически каждые два часа, но абонент по-прежнему был недоступен. А завтра – четырнадцатое февраля, и вокруг все поголовно будут влюблены, счастливы и в сердечках... И только я совершенно одна в чужом городе, с пачкой странных загадок в руке.

Мне даже ужинать расхотелось, хотя я весь день пробегала на голодный желудок.

Я вернулась в гостиницу, поговорила с администратором и выяснила у нее точный адрес этого дома исполнения желаний.

– Это так романтично – побывать там в День святого Валентина, – улынулась девушка.

– Романтично, когда ты там с любимым человеком. А не в тот момент, когда даже не знаешь, куда он делся.

– О... – разочарованно протянула она. – Надо же... А мне на секунду показалось, что вам романтический сюрприз приготовили...

– Увы, – вздохнула я и пошла к себе.

В глубине души у меня, конечно, теплилась надежда на то, что завтра я приближусь к разгадке исчезновения Олега, но смущала дважды упомянутая разными людьми девушка, передававшая конверты. Не вышло бы так, что это окажется, например, его жена – а что, вполне... Мою подругу муж бросил, прислав сообщение о том, что уже год параллельно живет с другой женщиной и хочет остаться именно с ней. Юлька впала в депрессию, а этот козел спокойно выкладывал фотографии с новой женой и ее дочкой, подписывая их «Моя любимая семья».

Нет, Олег не мог так со мной поступить, не мог! Он для этого слишком честный.

Ночь я провела бессонную и вовсе не в постели, как мечтала. Возможно, причиной этому послужило то, что, уже лежа в кровати, я вдруг подумала – а ведь гостиница расположена в обычном жилом доме старой постройки, очевидно, еще дореволюционной. И ведь в этих квартирах, теперь переделанных в гостиничные номера, раньше жили люди. Жили и... умирали. В блокаду.

Возможно, именно в этой комнате, именно на том месте, где сейчас стоит кровать, на которой я лежу, тоже кто-то умер.

Ничего на свете я не боялась так, как мертвецов, и эта мысль буквально пружиной выкинула меня из теплой постели.

Я отодвинула темную портьеру на окне, села на широкий низкий подоконник и усталилась на улицу. На мокрый асфальт тихо ложился белый снежок – большими мягкими хлопьями. Соседние крыши уже были засыпаны, и теперь дома напоминали пряничные домики, которые мы в детстве со Светкой пекли к Новому году.

Эта тихая красота должна бы радовать, но мое сердце сжимала холодная рука ужаса. Я боялась оторваться от вида за окном, боялась посмотреть в глубину темной комнаты – словно там меня поджидали прежние жилыцы.

«Лизка, тебе уже не пятнадцать, – уговаривала я себя, прижавшись лбом к холодному стеклу. – Ты не ребенок, который ночью боится ногу из-под одеяла высунуть, чтобы монстр не ухватил. Ну, какие мертвецы, что за глупости еще? Здесь после войны наверняка много людей жило. Они были тут счастливы, любили, рожали детей. У них все было хорошо. И вообще – это очень счастливый дом, здесь все и у всех складывалось удачно».

Но эти самоуговоры не особенно помогли, и рассвет я в буквальном смысле встретила, глядя в окно.

Пришлось прибегнуть к единственному способу мгновенно стать бодрой – принять холодный душ. Не скажу, что здорово взбодрилась, но хотя бы в сон клонить перестало. Осталось только выпить кофе и отправляться на поиски дома исполнения желаний.

Интересно только, сможет ли этот дом исполнить мое желание увидеть Олега и прояснить наконец, что же произошло.

Погода испортилась. Снег, выпавший ночью, успел превратиться в жидкую кашу под ногами, хмурое серое небо давило, настроение мгновенно сделалось поганым.

Куда я бреду под этим низким небом, в этом чужом городе, да еще и в день всех влюбленных?

В кармане завибрировал мобильный, и мое сердце бешено заколотилось – а вдруг это Олег?

Но это был не он. Звонила женщина из адресного стола.

Я наскоро нырнула в какую-то подворотню и вынула из рюкзака записную книжку. Кое-как накорябав замерзшей рукой адрес, я поблагодарила сотрудницу и убрала телефон в карман.

Не знаю, совпадение ли это, но улица, на которой проживала Софья Николаевна, называлась Гражданской.

Усмотрев в этом добрый знак, я немного воспряла духом и отправилась к метро. Ехать мне нужно было до «Сенной площади», я нашла уголок в вагоне, присела и постаралась не уснуть. До полудня у меня еще было время, можно попытаться счастья и зайти к Софье Николаевне. Конечно, странно будет выглядеть – незнакомая женщина на пороге, спрашивающая о табакерке и молодом человеке из другого города, но вдруг мне повезет?

Дом, где жила Софья Николаевна, я нашла быстро, что меня тоже порадовало после вчерашних блужданий в поисках нужных адресов.

Я поднялась по лестнице на третий этаж и позвонила в дверь. От волнения во рту стало сухо, а сердце билось все сильнее. Дверь распахнулась, и я увидела молодую девушку в спортивном костюме и смешных тапочках-единорогах.

– Добрый день, – изучающе оглядев меня с ног до головы, произнесла она. – Могу чем-то помочь?

– Д-да, – заикаясь, проговорила я. – Здесь живет Софья Николаевна?

– Ба, к тебе пришли! – крикнула девушка в глубину квартиры. – Проходите, я сейчас ей помогу.

Я нерешительно топталась на коврике в прихожей, когда девушка осторожно, под руку вывела из дальней комнаты маленькую, хрупкую старушку в синем фланелевом халатике. Редкие седые волосы мелкими локонами обрамляли открытое, как у ребенка, лицо с почти прозрачными глазами, бывшими некогда голубыми. Старушка напоминала пожилого ангела и улыбалась мне так, словно знала сто лет:

– Вы ведь Лиза, правда?

Я едва не упала – определенно, в этом городе и жители обладают каким-то мистицизмом. Я узнала о существовании этой старушки всего три дня назад, а она ведет себя так, словно мы знакомы давно.

– Да, я Лиза.

– Аврора, что же ты гостью в прихожей оставила?

Девушка со странным именем молча указала мне рукой на распахнутые двери большой комнаты слева, и я, скинув ботинки и пуховик, вошла туда. Аврора уже усадила бабушку в кресло с высокой спинкой и резными подлокотниками, укрыла ее ноги клетчатым пледом и предложила мне:

– Вы к ней поближе присаживайтесь, она плоховато слышит. Девяносто три года, понимаете... – И, наклонившись к старушке, проговорила: – Я пойду чаю сделаю. Скоро мама придет, а мне в институт нужно.

– Иди, детка, завари нам свеженького, – потирая морщинистые ручки, кивнула Софья Николаевна.

Аврора направилась в кухню, однако от меня не укрылось, с каким любопытством она снова посмотрела на меня.

Я же придвинула стул ближе к креслу Софьи Николаевны и спросила:

– Скажите, пожалуйста, а откуда вы знаете мое имя?

– Девушку с такой внешностью должны звать Елизаветой, – улыбнулась старушка. – У вас такая красивая коса... и глаза зеленые.

Я смутилась. Коса всегда была камнем преткновения, я не раз и не два пыталась отрезать ее и сделать модную стрижку, но едва заговаривала об этом, как тут же наткнулась на шквал негодования со стороны мамы и Олега – они никак не хотели, чтобы я делала это.

– У меня в молодости тоже была коса, – продолжала старушка. – Но в войну пришлось отрезать – воды нет, мыла нет...

Я вспомнила, что на фотографии из табакерки у женщины действительно была коса, переброшенная на грудь.

– Софья Николаевна, вам может показаться странным мой вопрос, но... к вам случайно не приезжал молодой человек по имени Олег Резников?

– Олежек? – Ее прозрачные глаза засветились как-то особенно ласково, словно воспоминания об Олеге были ей дороги. – Да, конечно. Аврора! – крикнула она. – Аврора, детка, поди сюда, пожалуйста!

Девушка вошла с подносом, на котором несла чашки, заварочный чайник и вазочку с печеньем и конфетами:

– Что, ба?

– Принеси, пожалуйста, ту вещь, что привез нам Олег. Она на тумбе у моей кровати.

Аврора как-то странно посмотрела на меня, а потом сказала:

– Ба, ты не будешь возражать, если я Лизу на минутку у тебя украду? Хочу спросить кое-что.

Старушка покачала головой:

– Не приставай к госте с вопросами.

– Нет, ничего... – вмешалась я.

– Тогда давайте выйдем, – пригласила Аврора, и я проследовала за ней в кухню.

Там девушка открыла форточку, закурила и сказала:

– Я вас очень прошу, ничего у нее не спрашивайте про эту табакерку, хорошо? Я ее покажу, но очень прошу – никаких вопросов. Если у нее снова случится приступ, будет плохо. Мама едет, чтобы сделать ей уколы. Бабушке девяносто три года, любое потрясение, даже приятное, вызывает у нее сердцебиение. И этот Олег, привезший табакерку, я так понимаю, хотел как лучше, но нужно было сперва с мамой поговорить.

– Что-то случилось?

– Случилось. К бабушке вернулась ее молодость и любовь всей ее жизни. Эта табакерка принадлежала моему деду. Вернее, прадеду, вы ведь догадываетесь, что я правнучка. Они поженились за год до войны, прабабушка успела родить ребенка до того, как началась блокада. И даже сумела сохранить его живым. А прадед ушел в ополчение из Москвы, он там аспирантуру заканчивал, его вообще не должны были забрать – зрение совсем плохое было. Но он не смог, добровольцем пошел и погиб где-то под Вязьмой. Ба ждала его всю жизнь, замуж больше не вышла. От него осталась только одна фотография – все остальное сгорело в первую сентябрьскую бомбежку. Как она с маленьким ребенком в таком аду выжила, я даже думать боюсь. – Аврора выбросила окурочку и продолжила: – А пару недель назад позвонил Олег и сказал, что у него есть какая-то вещь, которая, кажется, принадлежала нашей семье. И привез табакерку. Ба ее сразу узнала – ну, еще бы, там ведь в крышке ее фотография под стеклом. И от радости у нее сердечный приступ случился, мы с мамой думали – все, не переживет. Но она крепкая, к счастью. Сына вон пережила и невестку, бабушку мою.

– Скажите, Аврора, а вы видели этого Олега?

В глазах девушки что-то такое мелькнуло, но лицо осталось прежним:

– Нет. С ним мама разговаривала, она тогда возле ба дежурила. Мы ее одну не оставляем, понимаете?

– Да, конечно...

– Так мы договорились? Насчет вопросов?

– Разумеется. Я не хочу причинять неудобств... и вообще мне уже пора...

– Нет-нет, чаю выпить вам придется, время еще есть, – снова странно проговорила Аврора. – Ба расстроится и решит, что я вас обидела.

Я посмотрела на часы – одиннадцать, могу позволить себе чашку чаю, мой следующий объект совсем рядом расположен, а обижать старушку не хотелось.

– А вы знаете, почему Аврору называли Авророй? – спросила Софья Николаевна, когда мы пили чай, и правнучка закатила глаза:

– Ну ба! Много надо интеллекта, чтобы угадать!

– В честь крейсера? – улыбнулась я.

– Да. Но таково было желание ее прадеда. Мы хотели назвать Авророй дочь, а родился сын. Но он назвал свою дочь Авророй, а потом и внучку. Так что это, можно сказать, наше семейное имя теперь.

Аврора ласково взглянула на прабабушку:

– Придется и мне дочку так назвать, раз семейное.

Я наблюдала за тем, как Софья Николаевна сжимает в руке табакерку, и вдруг подумала – а ведь она действительно обрела счастье. То счастье, что у нее отняла война. И Олег помог ей в этом. Но почему он не рассказал мне?

И вдруг Аврора проговорила:

– Лиза, я не хочу показаться негостеприимной, но вам, кажется, пора.

Я глянула на часы и подскочила:

– Боже мой, я опаздываю! Скажите, а далеко от вас дом исполнения желаний?

– Пять минут. Выйдете из подъезда и направо.

Я наскоро попрощалась с Софьей Николаевной, зашнуровала ботинки и, на ходу натягивая пуховик, выбежала из квартиры.

– В бистро зайдите! – донесся до меня сверху голос Авроры, когда я уже оказалась на первом этаже.

Мне некогда было думать о ее словах, я старалась попасть к месту ровно в полдень, понимая, что это очень важно. До дома я добежала довольно быстро, остановилась, переводя дух, и начала рассматривать заведения, находившиеся на первом этаже.

Яркая вывеска «Бистро» привлекла мое внимание, а в голове всплыли слова Авроры, и я решительно зашагала к дверям. Бистро оказалось уютным, там прекрасно пахло кофе и выпечкой, но меня поразило вовсе не это. Из-за столика у окна поднялся Олег с букетом белых роз.

– Елизавета, окажите мне честь и выходите за меня замуж, – произнес он, приближаясь ко мне.

Я остолбенела, машинально взяла букет, а Олег опустился на колено и протянул мне красную бархатную коробочку, в которой лежало кольцо. За его спиной выстроились официанты с шариками-сердечками в руках, зазвучала негромкая музыка, и я почувствовала, что плачу, и только молча кивнула в знак согласия.

Олег надел кольцо мне на палец, поднялся и крепко обнял:

– Не сердись на меня. Я хотел, чтобы на этот раз ты согласилась. Потому и придумал небольшую интригу.

– Я не сержусь, – прошептала я, прижимаясь к нему. – Только... никогда больше не исчезай так...

– Обещаю, – серьезно сказал Олег.

– Но почему именно здесь? – спросила я, когда мы сели за столик и официант принес нам кофе и вафли с мороженым.

– Так совпало. Понимаешь, когда я начал раскручивать эту историю с табакеркой и нашел Софью Николаевну, то мне как-то сразу пришло в голову устроить тебе такой вот квест. Кроме того, с именем Софья связана легенда, которая привела меня к этому дому. Здесь раньше было кафе, в котором подавали вафли. И пекла их женщина по имени Софья. Считалось, что они приносят удачу и исполняют желания. Так и говорили – мол, что-то не ладится, так пойдешь к Софье и съешь вафли. Ну, вот я и решил, что все совпало – имя Софья, вафли в бистро, то, что расположен этот дом совсем рядом с домом Софьи Николаевны. Ну, и День святого Валентина – чтоб уж наверняка, – улыбнулся Олег, держа меня за руку.

– Погоди... – вдруг догадалась я. – Это ведь Аврора тебе помогала? Девушка, которая приносила конверты, это Аврора?

– Да. Она как-то сразу согласилась, когда я ее матери рассказывал, что хочу сделать предложение любимой женщине. И идея не вести тебя сразу сюда, а показать еще пару волшебных мест, тоже принадлежит ей. Она ведь на экскурсовода учится.

– То-то я думаю, почему она так на меня странно смотрела. А она все знала. Да и про бистро тоже подсказала, у меня просто времени уже не было расспрашивать, я опоздать боялась.

– Но тебе понравилось, скажи?

– Очень. Правда, когда ты пропал, я испугалась, – призналась я. – Оказывается, я не готова жить без тебя.

– А тебе и не придется. Мы поженимся и всю жизнь проведем вместе.

До самой ночи мы гуляли по Питеру, не замечая ни мокрого снега, ни ветра, ни очень быстро опустившихся на город сумерек.

Мы были счастливы тем, что наконец-то вдвоем, что держимся за руки. Я то и дело поглядывала на поблескивавшее на пальце кольцо и ловила себя на том, что это не так страшно, как казалось мне раньше. И была благодарна Олегу за то, что он сделал мне предложение таким романтическим и необычным способом – открыв тайны Санкт-Петербурга, который, определенно, теперь станет моим любимым местом на земле.

Мы целовались на Аничковом мосту, а сверху на нас наверняка смотрел святой Валентин и радовался тому, что соединил еще одну пару.

Надеюсь, на всю жизнь.

Галина Романова

Пора подснежников

Глава 1

Какие они все были хорошенькие, какие славные! От их чистоты и свежести, ему казалось, в их громадном офисе слегка по-снежному поскрипывает и временами обдает ароматом легкого морозца. А когда они принимались вскакивать со своих мест, суетиться, смеяться, спешить, то будто кто огромную коробку снежинок с силой встряхивал, так по-волшебному искрило.

Каждую он любил, потому что каждая была его детищем. И то, что поначалу было признано чудачеством с его стороны, вдруг потом сочли гениальным.

– Да как вам в голову могло такое прийти: принимать на работу одних блондинок? – верещала поначалу финансовый директор их фирмы. – Нас сочтут по меньшей мере странными.

– А по большей?

Он поглядывал на нее глазами сытого уставшего кота, не желающего спорить и ругаться с глупой старой мышью, но для себя он все давно решил.

– А по большей, нас сочтут сексуально озабоченными! – Ее невыразительные глаза сделались квадратными. – Ни для кого не секрет, что блондинки...

– Нравятся мужчинам. Мужчины наши основные клиенты, а ради клиента я готов на все. – Он осторожно опустил громоздкую ладонь на свой стол, давая понять, что разговор окончен.

Он, собственно, и не начинался, разговор этот. То, что Мария Павловна фыркала, это было нормально. Она все время фыркала, он ей это позволял. Почему? Потому что работник она хороший, а главное – человек очень честный. И если первое еще за людьми водилось, то второе вдруг сделалось в громадном дефиците.

Она фыркала, ворчала, скептически осматривала каждую девочку, принимаемую им на работу. Долго к ним приглядывалась, пыталась даже придирается. А потом сдалась. И хотя снова с ворчанием и фырканием, но не смогла со временем не признать его правоты в кадровых вопросах.

– Да... В этом определенно что-то есть.

– Вот видите, Марь Пална, а что я вам говорил? Главное, клиент доволен! И возвращается к нам снова и снова. А девочки умненькие, славненькие, как... как снежинки.

– Ну, будет, будет вам их захваливать, Игорь Васильевич, – недовольно морщилась Мария Павловна, сама напоминая огромным ноздреватый мартовский сугроб. – Вы их так захвалите, они и вовсе работать перестанут...

Но девочки старались, работали и пока не подводили.

Правда, с последней, кажется, вышла осечка.

Вспомнив о Лидочке, Игорь поморщился. Неужели он проглядел? Что в ней оказалось не так? Почему столько осечек случилось за последние два месяца в ее работе?

Вызвал к себе, начал осторожно с ней говорить. Видит бог, он очень тщательно подбирал слова и выражения, чтобы не обидеть раньше времени, а она вдруг расплакалась.

– Игорь Васильевич, я ума не приложу, почему все так?! – сморщив лицо смешной гримаской, печалилась Лидочка. – Я точно помню, что сделала этот заказ и отнесла в механический.

– Кому?

– Я не знаю, как зовут этого человека, но он мне даже расписался в реестре!

Подпись и в самом деле имелась, но весьма неразборчивая. Понять, кто ее поставил, не представлялось никакой возможности. Опрашивать надежных ребят, работающих на него давно, Игорь не стал. Обижать людей без причины он не любил. Вот и Лидочку пожалел. Не увольнять же ее через два месяца после приема на работу. Она должна была либо как-то реализоваться, либо надо окончательно поставить на ней крест.

Об этом ему и пришлось сообщить ей в весьма завуалированных выражениях. Она поняла. Покивала. Ушла. А через пару дней очередной прокол. И снова у нее не нашлось никаких объяснений, почему из ее компьютера исчезла целая форма договора с забытыми в нее данными одного весьма влиятельного клиента.

– Может быть, вы не на ту кнопку нажали? – осторожно поинтересовался Игорь, и на память вдруг пришла сразу дюжина анекдотов про блондинок.

Может, Лидочка один из персонажей? Может, он переоценил ее умственные способности при собеседовании? Или свои возможности переоценил? Всегда же считал себя знатоком человеческих душ и характеров, почти никогда не ошибался, и тут вдруг...

– Игорь Васильевич! – Она гневно зарделась, выпрямила спину в струну, сплела пальчики в замок и протестующе этим замочком от него загородилась. – Я знаю назначение всех кнопочек в компьютере, поверьте мне. Я имею два диплома с отличием! И это честно заработанные дипломы, не купленные в подземном переходе! Я проработала четыре года за границей и имею великолепные рекомендации! И мне самой пришлось пробивать себе дорогу в жизни, и делала я это не посредством своей белокурой головки, длинных ног и того, что между ними! Простите...

Тут она совершенно непозволительно повернулась к нему спиной и вышла из его кабинета, не особо заботясь, что дверь хлопнула неуважительно громко.

– Теперь уволите ее? – поинтересовалась вечером Мария Павловна, крутя в руках кофейную чашку.

Они часто вечерами собирались вдвоем в ее кабинете, пили кофе, говорили, планировали, иногда и сплетничали. Тогда он вот пожаловался ей на Лидочку.

– Не знаю, что делать! – воскликнул он с горечью. – Когда принимал ее, казалась мне очень грамотной, толковой, а тут вдруг прокол за проколом. Да такие все глупые! А сегодня так вообще нахамила мне! Надо же, сказать такое!.. Мне еще никто никогда не говорил подобных вещей. Что ты-то о ней скажешь, Марь Пална?

– А что я? – пожала та гренадерскими плечами. – Ваша затея была с блондинками, я тут...

– Да ладно вам, не заводитесь! Чисто по-бабьи можете мне сказать, чего эта цыпа стоит? Интуиция ваша что шепчет?

– Она не цыпа! – вдруг возмутилась Мария Павловна, что само по себе было странным, она никогда за девчонок на костер не шла. – Она нормальная девушка. Даже слишком.

– То есть?

– Видела тут недавно, как один из механиков прижать ее пытался в коридоре.

– И что?!

Игорь возмущенно засопел. Служебный роман грозил увольнением, всем об этом было известно. Кто же мог позволить себе подобную вольность?

– Та надавала по лицу нахалу. Одернулась и пошла мордочкой кверху, а в глазках слезки. Так-то... – Мария Павловна тут же подняла предупредительным жестом обе ладони, ограждая себя от лишних вопросов. – Кто это был, не рассмотрела. Узнать их в спецовке невозможно, бейсболка козырьком вниз, и все – безликий человек. Но девочка повела себя достойно. А что проколы в ее работе... Может, саботирует кто?

– Кто?! – Игорь недоверчиво ухмыльнулся. – Кому она нужна, девчонка с улицы? Я что, ей больше всех зарплату положил или на чье-то место устроил? Нет. Нет, тут что-то другое.

Разбираться в причинах ему было некогда, он просто решил подождать следующего случая и тогда уж...

Долго ничего не происходило. Лидочка исправно выполняла свою работу, но выглядела дерганой какой-то. Кажется, даже похудела, но это ее ничуть не портило. Общения с ним избегала. Когда он заходил к девочкам в офис выпить кофе, старалась улизнуть оттуда по причине и без оной.

А он с чего-то огорчался. А со временем и вовсе стал чувствовать себя виноватым. А почему, собственно? Потому что не стал пристально разбираться в причинах ее промахов? Может, и правильно, что не стал. Уделил бы ей внимания больше, чем полагалось по инструкции, еще неизвестно, что из этого вышло бы. Она девушка одинокая, насколько ему известно, и очень красивая. Он тоже одинок и...

Вспомнив о своем холостяцком статусе, Игорь передернулся как от удара плетью. Статус этот уже давно висел пудовой гирей на всей его жизни. Поначалу это нравилось, потом к этому привык, теперь не знал, как от него избавиться.

– Игорь Васильевич, да вы только свистните, завтра наш сервисный центр желающие опояшут... – привычно проворчала Мария Павловна, когда он ей неосторожно пожаловался. – Такой обеспеченный красавец и...

– Вот именно! – морщился он, как от зубной боли. – Нищего-то кто полюбит? Обеспеченного – всегда запросто, а вот меня? За так, а не потому что, кто полюбит?!

Он давно уже пожалел, что не женился в студенчестве на смешливой девчонке с Урала, бегающей за ним хвостиком. Она была симпатичной и очень верной. Она, наверное, была бы ему хорошей женой и отличной матерью его детям. Но ему тогда хотелось чего-то другого.

Хотелось денег. Хотелось иметь за эти деньги все, что он пожелает. Хотелось понимания могущества через эти деньги. Хотелось любви при этих деньгах яркой и красивой, с шумом океанического прибоя, врывающегося в распахнутые окна милого дома на побережье. Нежного шелеста тропических листьев в большом саду, опоясывающем милый дом на побережье. Надежной красавицы жены хотелось, которая чтобы и в радости, и в горе...

И ведь пробовал! И не раз пробовал! Благо что и дом у него такой появился с садом и с шумом прибоя, морского, правда, не океанического, и легким бризом, шевелящим невесомые шторы на огромных окнах. Пробовал селить там разных красавиц, испытывая их на верность и совместимость.

Кто-то удивится, но ни одна не прошла конкурсного отбора. Может, он был чрезвычайно придирчив. Может, условия конкурса были излишне строги, а требования завышены. Но та смешливая девчонка с Урала, жарившая ему картошку на свином сале в общаге и открывающая для него последнюю банку грибов, присланную родителями из дома, вспоминалась ему все чаще и чаще.

Та бы точно с ним и в радости и в горе, и в богатстве и в бедности...

– Игорь Васильевич, у нас ЧП!!! – в кабинет без стука ворвалась Ира Новикова, старший менеджер отдела по связям с общественностью. – Вы себе представить не можете, что случилось!!!

– Ирочка? – Он удивился, ее увидев. – Почему без стука?

– Ах, простите! Там... Лидочка Степанова... У нее в столе... – дальше говорить Ирочка не смогла, без приглашения опустилась на стул и уставилась на него огромными перепуганными насмерть глазами.

Лидочка? Опять Лидочка? Что на этот раз?

– Воды не предлагаю, – сухо зато сказал Игорь.

Терпеть не мог клацанья женских зубов о край стакана, и в кино надоело это видеть, и все его красавицы, не выдержавшие испытаний, любили этим побаловаться.

– Отвечать повелеваю быстро и четко. Что у Степановой в столе было обнаружено?

– Бумажник! – ответила Ира. – Вчера, помните, у клиента пропал бумажник, когда он машину себе присматривал. Его еще Степанова сопровождала. У клиента пропал бумажник.

– Помню... – Игорь задумчиво потерев подбородок. – Вчера при выборе машины он у него пропал. А сегодня в ее столе нашелся? Я ничего не перепутал?

– Все так! – закивала Ира интенсивно, и белокурые волосы взметнулись вокруг ее головы снежным облаком.

Наверное, она все же их дополнительно как-то обесцвечивает, вдруг подумал Игорь. Не могут быть волосы такими белыми от природы. Если вот у Степановой они натурального цвета, то...

Ох, господи! Опять Степанова! И теперь в центре такого скандала! Клиент хоть и не поднял вчера шума, попросил разобраться, но осадок, как говорится, у него останется. И машину теперь наверняка в другом салоне приобретет.

Что ж, придется увольнять. Не хотелось бы, конечно, прямо сегодня, как-никак канун Восьмого марта. У них на сегодня корпоративная вечеринка намечена с поздравлениями, подарками. Лидочку он тоже собирался поздравлять и награждать даже похвальной грамотой и денежной премией. За последние две недели она перевыполнила план, и похвалы от постоянных клиентов имелись, а теперь придется уволить ее без выходного пособия с некрасивой записью в трудовой книжке и соответствующими рекомендациями.

– Пригласи ее ко мне, Ира. Да не трясись так, что ты, в самом деле, будто ты этот кошелек украла! – неожиданно вспыхнул Игорь, хотя никогда прежде не позволял себе кричать на своих девушек, милых и нежных.

– Хорошо. – Ира чуть приподняла попку от стула, но тут же снова опустила. – А я не могу, Игорь Васильевич!

– Что не могу?!

– Не могу ее пригласить, она убежала.

– Как это убежала?! – не понял он.

Обошел свой стол, наклонился над Новиковой и снова подумал, что она что-то делает с волосами, слишком уж они белые. Как снег белые! И даже на вид кажутся такими же скрипучими, жесткими и холодными.

Чего это он вдруг к ней придирается решил, а? Не с того ли, что у Степановой опять прокол случился? В последнее время все шло у нее как по маслу. Он втайне радовался за нее, порой даже позволял себе любоваться ею. Нет, не так, работой он ее любовался, а не ею. Так будет правильнее.

– Она что, в бега подалась? Мне теперь в розыск подавать, что ли? В бумажнике-то хоть все цело? Клиенту позвонили?

Клиенту позвонили, оказывается, сверились с содержимым, ничего не пропало. Извинились тысячу раз, соврали, что нашли бумажник в салоне одного из примеряемых им на себя автомобилей. И он вот-вот должен был подъехать, чтобы забрать свой бумажник и небольшой утешительный приз, то есть талон на бесплатное проведение ТО в их салоне.

Ну вот, а говорят, что блондинки бестолковые! Все всё правильно сделали.

Все, кроме одной!

– Игорь Васильевич, Лидочка, как только нашли в ее столе бумажник, побледнела, сказала: я так и думала, что все этим закончится, взяла свою сумку и бегом на улицу.

– И? – Он выжидательно уставился на Ирочку. – И что дальше?

– Ничего! Она сказала, что больше не придет! – закончила шепотом Ирочка и вдруг запросила жалобно: – Игорь Васильевич, не наказывайте ее, пожалуйста, слишком строго! Пожалуйста! Она... Она вряд ли виновата.

– А кто виноват?! – вытаращился Игорь, опешив. – Она с первого дня, пардон, косячит! Я все глаза закрывал на ее промахи, но такое!.. У нас же никогда ничего подобного не было, разве не так?

– Так, так, но... Но мне кажется, она не виновата!

– А почему это тебе так кажется, Ирочка?

Ему вдруг сделалось интересно ее мнение. Ира Новикова работала не первый год на него. И хорошо работала, надежно. К ее мнению он уже через полгода начал прислушиваться. Интересно, что-то она скажет теперь?

– Посудите сами, ну вот если она этот бумажник украла, разве стала бы держать его у себя в рабочем столе?! – Ирочка поднесла изящный указательный пальчик к своему виску и легонько тюкнула. – Это последней душой надо быть, чтобы так сделать. Украла еще вчера, не взяла из бумажника ни цента, а там долларов полторы тысячи и три банковские карты, и бумажка с пин-кодами еще! Так вот, не взяла ничего и в столе держала. Согласитесь, что это даже для блондинки перебор!

– Может быть... – кивнул он неопределенно, хотя мысленно и был согласен. – Что еще?

– Тут такое дело... – Она замялась на минуту, потом снова тряхнула своими снежно-белыми волосами, кажущимися ему ненатуральными. – Мне кажется, ее кто-то упорно подставляет. Все ее промахи, они какие-то ненастоящие. Новичку простительно, а у Лидочки стаж внушительный. За границей работала. Одна моя знакомая училась с ней на параллельных потоках, редкая стерва, хочу сказать, но даже она признавала за Лидочкой первенство. По уму, говорила она, и порядочности Степановой равных не было. Вот вы сейчас ее уволите, а она... У нее какая-то сложная ситуация дома сложилась. Из-за нее она и из-за границы приехала. Игорь Васильевич, ну погодите, пожалуйста! Тем более завтра Женский день! Мы сегодня праздновать собирались.

– Ну и празднуйте! Кто вам мешает? Вы бумажников не крали!

– Мы станем праздновать, а Лидочка будет дома одна сидеть и плакать, – и будто в знак солидарности с плачущей Степановой Ира громко всхлипнула. – Она сегодня такая нарядненькая пришла на работу, такая хорошенькая, все порхала, настроение у нее было отличное, и тут такое... Мы станем праздновать, а она там одна...

– И что, прикажешь мне за ней ехать, что ли?! – воскликнул он и руками всплеснул, одновременно и возмущаясь, и выпроваживая Иру из кабинета.

Та встала и к двери попятилась и все смотрела на него как-то странно.

– Ну чего тебе еще? – не выдержал он ее мольбы, сквозившей в огромных голубых глазах.

– Я не могу вам приказывать, Игорь Васильевич, я вас умоляю! – прошептала смелая Ира, предварительно толкнув попойкой дверь его кабинета. – Поезжайте за ней, пожалуйста!

– Что-о??? Ты совсем, что ли, Ира???

– Вы ведь нас никогда не обижали, Игорь Васильевич, – смятенной скороговоркой принялась его уговаривать Новикова, сложив изящные красивые ручки на груди. – Она не заслуживает вашего гнева, поверьте! Она не заслуживает даже порицания! Потому что она ни в чем не виновата! Кто-то усиленно вредит ей. За что, не пойму! Но согласитесь, держать украденный бумажник в столе...

– Во-он!!! – не выдержав, заорал он на девушку, которая еще сегодня утром казалась ему милой и хрупкой в его нежнейшей коллекции снежинок.

Ну, наорал, ну выгнал, дальше что? Стало легче? Ни черта легче не стало. Ведь если Ирочка Новикова права и Лидочка ни в чем не виновата, то, получается, виноват кто-то еще? А кто виноват? И главное, в чем? И виноват, если задуматься, в страшных вещах! И за вещи эти не то что уволить, голову оторвать мало.

Ведь девчонке постоянно палки в колеса вставлялись. То заказ был невыполненным, потому что все отказались от подписи...

Так, стоп. А кто отказывался? Разве он разбирался в этом? Нет. Он отогнал от себя эту мысль. И даже не повел Лидочку в механический, чтобы она опознала того умника, что оставил неразборчивую закорючку в ее бумагах. Не захотел Игорь Васильевич, чистоплюй хренов, марать подозрениями надежных ребят, работающих на него давно и исправно. А ведь один из этих надежных приставал к Лидочке в оскорбительной форме, заведомо зная, что такие вещи караются их внутренними правилами. Значит...

Значит, один вредитель, предположительно, был из механиков.

Идем дальше.

Кто мог удалять из ее компьютера документы? Логично предположить, что тот, кто компьютером этим владел. Но сейчас знание компьютера обязательно при поступлении к нему на работу. Все, кроме уборщиц, у него им владеют. Тогда по-другому вопрос: кто мог иметь доступ к ее компьютеру? Лидочка часто уходит со своего рабочего места, общается с клиентами непосредственно в зале. Кабинет либо закрывается, если все девочки уходят, либо там остается кто-то из троих.

Да, с Лидочкой в кабинете работали еще две девочки. Одна москвичка – Жанна Галкина, роскошная блондинка с потрясающей улыбкой. Вторая откуда-то из Твери, Вика Морозова, скромная девочка с длинной косищей, с наивным взглядом потрясающих голубых глаз и...

Вот на кого из них думать, а?! И одна и вторая работали уже больше года, ни разу ни одного замечания или порицания. Как мог кто-то из них встать из-за своего стола и в отсутствие Лидочки стереть из памяти ее компьютера документы?! И главное: причина! Какова причина таких действий? Мотив, как сказали бы следователи. У кого из них двоих мог быть мотив?

– Ума не приложу! – воскликнул Игорь и оттолкнулся в кресле от стола.

Кресло послушно докатило его до стены. Потом, подталкиваемое его ногами, доставило обратно. И Игорь снова погрузился в размышления.

Подключать службу безопасности он пока не хотел. Вдруг никто ни при чем, кроме Лидочки. Вдруг это она такой бестолковой оказалась, а он станет обижать кого-то подозрениями? Нет, торопиться не стоило. А что следовало сделать? Правильно, Игорек! Следовало немного понаблюдать. А то сиднем сидит в своем кабинете, скоро совсем мышей ловить перестанет.

Игорь запер дверь своего кабинета, глянул на часы. Обрадовался тому, что как раз время обеденного перерыва и девочки должны быть в кафе, и поспешил туда.

Жанна Галкина уже сидела за столом к тому моменту, как Игорь вошел в кафе, организованное специально для сотрудников. Тарелочка супа, какой-то скромный салатик, стакан то ли молока, то ли кефира. Следит за фигурой, стало быть. Улыбнулась ему, закивала, тут же показала на свободный стул. Он согласно кивнул и, прихватив какое-то блюдо из мяса, подсел к ней.

– Изнуряем себя диетами, Жанночка? – укоризненно покачал головой Игорь. – Так мало есть при таком рабочем графике нельзя. Взяла бы мяса, очень вкусно, кстати.

– Я хорошо себя чувствую, Игорь Васильевич. – Жанна виновато захлопала ресничками. – Но раз вы настаиваете...

– Да нет, это я так просто. – Игорь жевал, не зная, как подступиться к главному вопросу, потом решил спросить как есть: – У Степановой снова неприятности? Теперь куда более серьезные?

– Ой, я вообще в шоке! – Она послушно отложила ложку, пристроила руки на столе, как школьница. – Такому случиться и где?! У нас!!!

Интересно, что она имеет в виду, вдруг насторожился Игорь.

– Ну, ну... – подбодрил он ее взглядом.

– Ведь Лидочка не могла украсть, Игорь Васильевич! – вдруг зашептала Жанна громко и трагически. – А если она не украла, значит, что?

– Что? – повторил он следом за ней.

И вдруг поймал себя на мысли, что чертовски рад, что эта девочка так мыслит. И что она думает хорошо про Лидочку Степанову, а значит, и он может думать так же.

– Значит, кошелек украл кто-то другой и подбросил его к ней в стол! – закончила Жанна и вдруг опустила глаза. – Я знаю, что вы сейчас подумали, Игорь Васильевич.

– Что?

– Что никто, кроме нас троих, не мог этого сделать. Кабинет закрывается и все такое, только...

– Только что?

– Только я этого не делала!

– А кто это мог сделать, Жанночка? – Он ободряюще потрепал ее по руке. – Мне важно знать твое мнение.

– Я не знаю, я не видела, и пятнать человека подозрениями не могу, но... – Она запнулась и вдруг покраснела. – Но знаю одно... У Лидочки с Викой однажды состоялся очень неприятный разговор. Сам разговор я не слышала. Вошла, они уже вдоволь наругались. И Лидочка единственное, что добавила при мне: если Вика не опомнится, она вынуждена будет... И... все.

Вика, Вика, Вика...

Потрясающе милый ребенок. Ей двадцать один год, а выглядит на пятнадцать, из-за наивно распахнутых глаз, из-за славных ямочек на нежных щечках. Что такого сотворило это милое дитя, раз коллега по работе требовала ее опомниться?

– Жанна, а скажи-ка мне, у Вики нет знакомых среди механиков?

– Как это? – не поняла та сразу. – Мы все тут друг друга знаем, Игорь Васильевич. Вы сами настаивали всегда на том, чтобы коллектив был сплоченным и...

– Я не об этом, милая, – перебил он ее. – Я о знакомстве другого рода. Общение по работе – это одно. А общение после работы – это совсем другое. Ты знаешь наши правила, так ведь? Могла Вика, скажем, нарушить их и завести роман с кем-то из механиков?

– Из механиков не знаю! – Жанна стойко выдержала его взгляд и снова тут же покраснела.

– Из механиков нет, а с кем?

– Кто-то из руководящего звена оказывал Вике внимание. Не знаю точно кто... – вот тут она врала. Знала, не хотела просто прослыть сплетницей.

Игорю сделалось не по себе. Среди инженерного состава не было ни одного холостяка. Неженатых механиков оставалось всего трое, кажется. Но то, что все его ИТР были женатиками, это точно. И кто посмел ослушаться его? Кто посмел нарушить правила внутреннего трудового распорядка? Он же предупреждал, что не потерпит никаких романов! Не потому, что стерег своих красавиц от нежелательных связей и разочарований, непременно за этим последующих, хотя и это тоже – да. А потому что ему было противно, когда люди, имеющие семьи, переставали об этом помнить. Ну а где-то там, с кем-то, кого он не знает, и знать не желает – ради бога. Но у него под боком!!! С его девочками!!! Никогда! Никогда он не простит ослушавшегося.

Не в этом ли кроется причина всех промахов Лидочки Степановой, а?

Она могла стать свидетелем адюльтера, попыталась поговорить серьезно с одним из участников запретной связи. Ее не послушались, и вместо этого активно принялись ей гадить и подставлять.

– Фу, как гадко! – выдал Игорь вслух, тут же сложив в уме очень четкую и непристойную картинку.

– Что вы сказали, Игорь Васильевич?

– Я сказал, что все это очень гадко и отвратительно и... Почему она не пришла ко мне?! – с возмущением закончил он допрос.

– Лидочка? Да вы что! Как она может поливать грязью такое должностное лицо, во-первых, во-вторых, это вообще не в ее характере, а в-третьих...

– Что, в-третьих, Жанна?! – скрипнул он зубами.

– Разве вы поверили бы ей? И она, возможно, сделалась бы вам неприятной, Игорь Васильевич, из-за того, что пришла на кого-то жаловаться. – Жанна потянула к себе стакан с кефиром, все-таки это был кефир. – Представляете, она приходит и говорит вам, что Вика спит с Олегом Ви... Ой!

Поняв, что проговорились, Жанна тут же спряталась за стаканом и на него больше не смотрела.

И не надо. Ему все стало понятно.

Вика Морозова спала с их исполнительным директором, отвечающим за всю техническую сторону их сервисного обслуживания, – Олегом Викторовичем Ануфриевым, отцом трех славных дочерей-погодков. Мало этого, жена Олега, Сашенька, была Игорю хорошо знакома. Так мало и этого, Игорь часто бывал у них в гостях. Наслаждался их семейным уютом, отдыхал всей душой в их доме и частенько втайне по-хорошему им завидовал.

«Вот бы мне такой дом, такую жену, таких дочек», – думал Игорь, потягивая вино у них в гостях.

Так все мило, благонадежно, благопристойно, что никуда, никуда не хочется уходить. Но это, оказывается, ему так казалось. А тому, кто являлся счастливым обладателем такого благолепия – Олегу то бишь, казалось все несколько иначе.

Ему, Олегу, стало быть, казалось, что он может утром, поцеловав жену и дочерей, отправиться на работу, а там он уже может целовать кого-то еще, вот Вику, например, а кто знает, кто был до нее и кто будет после? Разве они ему признаются – его милые чистые снежинки? После того как вдоволь нацелуется с Викторией, Олег возвращался домой, где снова принимался зацеловывать свое семейство. А он семейство свое именно зацеловывал, Игорь сам видел.

Гадко!!! Гадко и противно!!!

Но и опять же и не это столь важно, в конце концов все взрослые люди и за поступки свои сами отвечают. А вот то, что Олег ли, Вика ли, или действовали они в сговоре, пытаясь обелить себя, подставляли бедную девушку под всяческие удары и подозрения, это уже никуда не годилось. И одно дело подделать подпись в заказе или удалить страницу из компьютера, а совсем другое – украсть кошелек у клиента.

Игорь задумался.

Вика вряд ли смогла бы это сделать. С клиентом обычно работает одна девушка, а работала с ним Лидочка, и если клиент изъявляет желание, то приглашали либо старшего менеджера, либо технического директора, коим Олег и являлся. Значит, его вчера пригласила Лидочка по требованию клиента, и он как-то сумел увести кошелек у клиента. Потом передал его Вике, и та уже подбросила кошелек Лидочке в стол.

– Порву!!! – просипел Игорь, вскакивая из-за обеденного стола, Жанна испуганно отпрянула. – Никому не смей ничего говорить, поняла?

– Да, конечно, конечно, – залепетала она. – Ни слова!

Он вернулся в свой кабинет. Долго метался от стены к стене, потом нажал селекторную кнопку и через секретаря вызвал к себе главного механика. Следом затребовал Татьяну Иващенко, старшую над всеми девочками и еще... уборщицу.

Вот с кем он сейчас будет долго и с пристрастием общаться, прежде чем войдет к Ануфриеву в кабинет и даст ему в зубы.

Нет, это он, конечно, погорячился, бить он его не станет, хотя и хотелось жутко. А вот заявление по собственному желанию написать заставит. Олег, конечно, неплохо знает законы

и станет сопротивляться, выкручиваться, спекулировать на их дружбе. Но он останется непреклонным. Он его не простит ни за что. И вынудит написать заявление.

– Здравсте, Игорь Васильевич. – Главный механик Петя Жарый заглянул к нему в кабинет, стесняясь засаленного комбинезона. – Разрешите?

– Опять сам под машины лазаешь? – поморщился Игорь. – Сколько людей тебе ни давай, все одно самому пощупать надо! Что ты за человек?

– Профессионал я, Игорь Васильевич, – не особо скромничая, проговорил Петя. – Опять же принцип: доверяй, но проверяй. И клиент...

– Что за клиент?

– Да тот, который вчера кошелек обронил в салоне машины. Ему девочки бесплатный талон на ТО подарили в качестве утешительного приза за его же, между прочим, ротозейство. А он и рад стараться, тут же рухлядь нам такую подкинул...

– Кстати, о кошельке, Петя. – Игорь парня любил и за профессионализм его уважал, но знал, что тот мог сквозь пальцы смотреть на опоздание, на запах алкоголя от мастеров. – Кто вчера сопровождал Степанову с клиентом?

– Так Олег Викторович, сам вызвался. Клиент, говорит, важный, перспективный. – Петя недоверчиво ухмыльнулся. – А по мне, так барыга он последний. И перспективы с него ноль будет, поверьте моему чутью. Да и ротозей, раз кошелек потерял.

– Ага. – Главное подтверждение своим подозрениям Игорь получил – сопровождал Олег. – А еще вопрос у меня к тебе, Петя... Только не вздумай врать, голову оторву!.. Помнишь два с лишним месяца назад, а то и все три, неприятный инцидент вышел с заказом от Степановой?

– Помню, – кивнул Петя и вдруг глаза опустил.

– Так был заказ или не было его? И если был, то кто поставил такую неразборчивую подпись, а? Кому так хотелось нагадить девчонке? Не врать!!! – заорал вдруг Игорь, поняв, что Петя именно это собирается сейчас сделать.

– Так это... Олег и подписал. Мы с ним как раз его машину смотрели, оба в спецухе были, тут она вошла. Он козырек вниз и к ней. Черкнул, она ушла. Он еще ржал потом. Вот, говорит, дура, даже расшифровку подписи не спросила. И мне велел молчать. Я и молчал. Если бы вы спросили, другое дело, а так даже никто и ничего...

Да, в этом он дал промах, тут же подсадовал на себя Игорь. Не спустил бы тогда, не дошли бы теперь до такого. Наверняка и тискать Лидочку тоже Олег пытался, кто бы еще посмел. Но Петю спрашивать об этом он не стал. Было неприятно обсуждать такие подробности про девушку.

Потом к нему зашла Татьяна Иващенко. Но та толком ничего не знала ни о чьих отношениях, слишком занятой оказалась приготовлениями к собственной свадьбе.

– Сплетничать у нас не принято, – извинялась она. – А так вроде ничего не заметила.

А вот уборщица, молодая бойкая Нина, которую он взял на работу с испытательным сроком, потому что пила безбожно пять лет назад, сообщила ему очень много интересного, очень.

С этим он к Олегу и зашел.

– Игорек, приветствую! – обрадовался тот, вскочил ему навстречу, пожал руку. – Какими судьбами ко мне? Так, проездом с Олимпа или?..

Игорь поулыбался, сделав вид, что шутку оценил, и тут же без предупреждения полез к Ануфриеву в стол. Начал выдвигать ящики, задвигать их обратно, усиленно делая вид, что ищет что-то.

– Не понял! – Олег растерянно улыбался, еще не зная, как на это реагировать. – Ты что-то ищешь, Игорь Васильевич?

– Ага, Олег, ищу. Ищу кокаин, на который ты подсадил Вику Морозову. Да так крепко подсадил, что она даже в рабочее время начала этим баловаться. Представляешь, прямо в женском туалете, на крышке унитаза! А Лидочка Степанова однажды зашла туда после нее, и пальчиком смахнула белую пыль. А потом выскочила за Викой и начала ругать ее, и пальчиком по форме провела, оставляя меловой след. И все просила ее одуматься.

– Никто этого не видел! – горячо опротестовал Олег, сам не понимая, что сдает себя с головой.

– А вот тут ты ошибаешься, – ухмыльнулся Игорь, выбираясь из-за его стола. – Никто не видел, а Нина видела. Нина, уборщица наша. На таких людей ведь никто не обращает внимания, не так ли? Зато они все видят и слышат. И молчат до тех пор, пока их об этом не спросят.

– Спросил? – нагло улыбнулся Олег. – Легче стало?

– Да, конечно, – вернул ему его улыбку Игорь. – Я сейчас уйду, а ты пока заявление напиши по собственному. Да, и будь при этом мне весьма и весьма благодарен.

– За что же?! – взвился тот, не выдержав. – За то, что ты дочерей моих оставляешь без куска хлеба?! И из-за кого?! Из-за прошмандовки какой-то!

– Они не прошмандовки!!! – оскорбился за своих девочек, напоминавших ему нежные чистые снежинки, Игорь. – Они хорошие и славные. Ты загубил судьбу одной девушке и едва не сгубил репутацию другой. Пиши заявление и благодари меня, что не сдал тебя за хранение наркотиков. Да, и Вике сообщи сам. Не хочу с ней встречаться. Для весеннего настроения это уже перебор...

Глава 2

Розы или мимозы?.. Так мимозы или розы? Или все же тюльпаны? Голландские нежно-лиловые... чудо как хороши. Может, взять целую охапку?

Нет, все не то, не то! Все как-то не подходяще случаю, хотя вроде и случай тот самый. Но не хотелось ему повторяться. И мимозы и розы сегодня уже были. Охапки, корзины, море цветов, в которых он утопил сегодняшним вечером своих милых девчонок, поздравляя с грядущим женским днем. Они улыбались, благодарили, и напряженности никакой в связи с неожиданным увольнением с работы Ануфриева и Морозовой не было. Наоборот, кажется, все вздохнули с облегчением.

А вот у него веселиться от души не получилось. И шампанское с ними пил, и танцевал, без устали сыпал комплиментами, шутил без конца, а веселья не было. Потом и вовсе голова разболелась, раздражение какое-то навалилось. Может, устал? Для одного дня сразу столько разоблачений, это действительно многовато.

Игорь незаметно ушел с вечера, поднялся к себе в кабинет. Зачем-то включил компьютер. С недоумением рассматривал минут десять рабочий стол, не понимая, компьютер-то ему зачем теперь сдался, десять вечера скоро? Потом со вздохом полез в базу данных собственного персонала.

Ну да, да, он хотел узнать адрес Лидочки Степановой, и что с того?! И никакая это не слабость, а элементарная вежливость. Она единственная из достойных осталась сегодня без поздравлений и подарков. И даже без цветов, что казалось ему особенно неприятным.

В такой праздник ни одна женщина не могла обойтись без цветов, так считал Игорь. Это все равно что его оставить с утра в понедельник без утреннего кофе. Он без него ни проснуться, ни дышать потом, кажется, не мог. Так и с цветами на Восьмое марта. Ведь если их ей не подарить, то вся весна для нее пойдет прахом. А он этого точно не хотел. Ни испорченной весны ее, ни того, чтобы она осталась без букета. Без его букета, что казалось особенно важным.

Он чувствовал себя очень виноватым перед Лидочкой. Не углядел, не проявил бдительность, понадеялся на что-то, что еще? Какие еще промахи он за собой видит? Да даже не пытался поговорить с ней серьезно. Счел, что приемом на работу его собственное участие в ее судьбе заканчивается.

Ошибался...

– Сидишь, голубок?

Мария Павловна бесцеремонно ввалилась к нему в кабинет, когда уже лист с адресом Лидочки выполз из принтера. Шумно дыша, без конца вытирая кружевным платочком вспотевшее полное лицо, финансовый директор без приглашения уселась в кресло. Взмахнула юбкой, расправляя ее на коленках. Глянула на него строго.

– Чего сбежал-то? Девочки расстроились.

– Устал, – коротко отрезал Игорь и выключил компьютер. – Домой поеду.

– Ну, ну... Домой он поедет! – фыркнула недоверчиво Мария Павловна и пальцем ему погрозила. Потом тут же посерьезнела и спросила: – Одинок тебе, Игорь?

– Мне? – Он будто бы удивленно заморгал. – С чего ты решила? Вон у меня вас сколько! Наоборот, тишины захотелось. Устал, говорю же тебе.

– Хочешь меня, старую ворону, на мякине провести, Игорь Васильевич? – ухмыльнулась Мария Павловна и снова принялась грозить ему пальцем. – А вот я тебе сейчас скажу!

– Что скажешь?

Он осторожно, текстом вниз, чтобы глазастая финансистка, не дай бог, не рассмотрела ничего, вытянул лист с адресом Лидочки из принтера. Свернул его вчетверо и убрал в карман своего пижонистого пиджака.

– А все тебе выскажу! Мой сегодня день, мой праздник, имею право! – Грудь Марии Павловны воинственно приподнялась. – И скажу я тебе, Игорек, вот что... Жениться тебе надо!

– О как! Это не новость, Марь Пална, ты мне об этом твердишь каждую неделю. И что? Вернее, на ком?

– На той, к кому сейчас от нас удрать собрался, – вдруг выпалила она и хитро прищурилась. – Я ведь наблюдала за тобой весь вечер, Игорь Васильевич. Видела, как тебе маотно среди нас. Видела, как не хватает тебе кого-то.

– И кого? – развеселился он.

– Той, к кому собрался сейчас ехать. И не смей врать, что домой отправишься. По глазам вижу, что уже одной ногой на ее пороге. – Она вдруг смутилась собственной смелости и полезла из кресла. – Ты прости меня, если обидела. Только совета послушай. Сегодня день такой особенный... Он... Не знаю, как сказать... Вроде и всерьез его мало кто принимает, а вот мы, женщины, в этот день больше, чем в новогоднюю ночь, на чудо надеемся. Вот и сотвори ты это чудо, наконец, Игорек! И для нее, и для себя сотвори!..

И ушла, припадая на обе ноги. Пляска в туфлях на высоких каблуках теперь неделю будет ей о себе напоминать.

Он встал, выключил свет в кабинете. Чуть постоял у окна, рассматривая мокрый проспект, на который выходили его окна.

Огни плавилась в лужах растаявшего снега, растекались разноцветной радугой. Машины, бездушными челноками снующие туда-сюда. Двери магазинов, выплевывающие толпы людей, кажется, даже смех слышен. Но это не так, конечно. Отсюда он не мог слышать, как им весело. Просто думать так хотелось. Всем сегодня должно быть весело и счастливо. Потому что...

Потому что – что? Правильно, потому что каждая женщина в канун такого дня надеется на чудо. И чудо это он должен сотворить? Для кого? Для себя и для нее? А для кого для нее?

И странным образом рука сама собой легла на карман, в который спрятал сложенный вчетверо лист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.